

6 июня

Сириус медленно просыпался. Его мозг, казалось, был набит ватой, или, может быть, стальной ватой было бы лучше описать это - каждая мысль, казалось, мучительно цеплялась, а затем исчезала в никуда. Ему было крайне неудобно, и он не чувствовал своей левой руки; он, казалось, не помнил, как двигаться. Во рту у него было так сухо, что язык казался комковатым и в два раза толще обычного; ощущение от него было такое, словно армия гномов прошла в чулках.

Он открыл одно веко, покрытое песком и болезненное. Свет был ослепляющим, как будто мир ударил его в глазное яблоко чем-то очень острым. Он снова закрыл глаз - гораздо лучше, подумал он. Он перевернулся, плотно закрыв глаза от злого света, пытаясь освободить зажатую руку. Она настолько онемела, как будто её не существовало.

Он перекатился еще немного и испытал момент ужаса, когда поверхность, на которой он лежал, исчезла из-под него. Он сильно ударился об пол, ударившись плечом о тупой, болезненный край на пути вниз, столкновение вызвало ужасный грохот и звон, который был убийственным для его полного боли мозга. Затем его голова ударилась о что-то твердое, которое откатилось. Он застонал, лежа на полу: что это за черт? От удара боль в голове усилилась вдвое.

Он снова открыл глаза и прищурился, когда в них попал свет. Прямо рядом с лицом он обнаружил виновника травмы головы: бутылку вина, которую кто-то использовал в качестве пепельницы - вероятно, он сам. От этого запаха у него скрутило желудок; он оттолкнул бутылку, почувствовав при этом боль в плече. Сквозь прищуренные веки он посмотрел вверх, найдя диван, с которого упал, и кофейный столик, который подошел к нему, когда он спускался на пол.

Значит, это была гостиная отеля Гермियोны. Ему даже в голову не пришло задаться вопросом, где он находится. Внезапно на него нахлынула предыдущая ночь. Волан-де-морт... они собирались убить Волан-де-морта! Он резко сел и тут же пожалел об этом; Когда комната закружилась вокруг него, он снова позволил своим векам закрыться. Лучше, подумал он, стены не могли бы двигаться, если бы я их не видел.

Он нащупал подушки дивана, медленно забрался на них и заставил себя сесть. Его голова откинулась назад, когда он попытался вернуть ощущение в руку, в то время как булавки и иглы покалывали по ней, крошечные колотые раны были такими же сильными, как и стук за висками. Он пошевелил плечом, облегчая боль, вызванную жестоким нападением кофейного столика. Его голова теперь пульсировала, как будто она была полна машин или миниатюрных гоблинов Гринготтса с лязганцами.

Вода, он думал, что вода поможет. И, как по волшебству, он смог слышать, как она работает. Вода - в ванной, понял он. Звучала как рай. Поднявшись на ноги, он наткнулся на чудесный, многообещающий звук.

Казалось, потребовалась целая вечность, чтобы добраться до него... его ноги были такими тяжелыми. Посмотрев вниз, он понял, что ботинки все еще на нем. Джинсы тоже. Но без рубашки. Его мозг не хотел пытаться понять это. Не без воды. Казалось, что вода — единственное, что ему когда-либо понадобится.

Когда он, наконец, пересек комнату и стабилизировался, крепко ухватившись за дверной косяк ванной, перед ним открылся вид на зад Гермионы. Она согнулась пополам у раковины, сжимая руками обе стороны раковины, и пила прямо из-под крана.

«Великие умы» — сказал Сириус, хотя это прозвучало как карканье, от которого у него заболело горло сильнее, чем он мог поверить.

Наклонившись, Гермиона пристально посмотрела на него из-под руки.

«Подвинься туда» — прохрипел он.

Она брала рот от воды и собрала сложенные в чашечки руки под струей. Подняв пригоршню, она плеснула себе в лицо. Она схватила полотенце с перил и вытерла лицо. Выйдя из-за него, все еще глядя на него, она сказала: — Ужасно, Сириус Блэк, ужасно.

Она повернулась и вышла из маленькой комнаты; мгновение спустя он услышал стон пружин кровати и вздох.

С благодарностью подойдя к крану, он пил до тех пор, пока не почувствовал, что вода вот-вот начнет течь из его ушей, а мозг поплыл, прежде чем он снова встал. Тогда он понял, какой ужасной комбинацией сигареты, виски и немытого мужчины были для обонятельных чувств.

Он слышал храп, доносившийся из спальни; сомневаясь, что Гермиона будет против, если он воспользуется душем, он включил его. Ожидая, пока вода нагреется, он посмотрел на себя в зеркало: налитые кровью глаза, окруженные темно-багровыми пятнами, и выражение лица, похожее на Смерть. То, что было пятичасовой тенью в пять часов предыдущего вечера, теперь было — он посмотрел на часы — тенью в одиннадцать сорок пять. К счастью, зеркало запотело, и ему больше не пришлось смотреть. Он скинул ботинки и остальную одежду и испытал удивительное облегчение, сравнимое с ужасным похмельем после принятия горячего душа.

— Кричер! — крикнула Вальбурга Блэк, прикрепляя кепку к волосам.

ТРЕСК - 'Да, госпожа?' Домовик низко поклонился, край его тоги из черного кухонного полотенца задел ковер.

'Все ли в порядке? Гости прибудут через десять минут».

«Да, госпожа, это только что пришло для вас, госпожа», — сказал эльф, кладя сложенную открытку на комод. « Её доставила сова мисс Беллы».

«Хорошо, займись чаем. Слабый чай порождает слабое сердце».

'Да моя госпожа.' ТРЕСК.

Вальбурга прочитала открытку, которую оставил ей Кричер: Беллатриса задержалась с возвращением из Франции. В этом месяце она не будет присутствовать на чаепитии.

— Кричер.

ТРЕСК: «Да, госпожа?»

«Беллатрисы сегодня не будет. Значит, всего нас десять».

'Да моя госпожа.' ТРЕСК.

Вальбурга не могла не почувствовать легкого облегчения от ответа Беллатрисы, несмотря на то, что эта девушка, дочь ее брата Свона, всегда была жемчужиной в короне этой ветви семьи — красивой, умной и стремящейся добиться великолепных результатов для своей семьи. Дома Блэков.

Когда ее мерзкая сестра ушла вместе с этой грязнокровкой, Беллатриса попыталась компенсировать отцу: она вышла замуж за Родольфа Лестрейнджа - человека на пятнадцать лет старше ее, обладавшего превосходной родословной, - и пообещала отцу, что родит ему столько же чистых и гордых внуков, сколько только она могла. Лестрейндж после этого еще больше гордился ею, но сыновей у Лестрейнджа еще не было, даже дочери.

Беллатриса пришла в восторг от Темного Лорда всего через несколько месяцев после замужества, посвящая ему все больше и больше времени, обучая своих последователей искусству дуэлей. Она верила, что если она поможет Темному Лорду прийти к полной власти, ни одна семья никогда не будет страдать от такого позора, как ее. Такая грязь, как Тонкс, будет искоренена.

По мнению Вальбурги, смерть Свона восемнадцать месяцев назад довела Беллатрису до крайности. За последний год девочка становилась все более расстроенной. Вальбурга чувствовала, что это произошло потому, что Беллатриса не выполнила свои обещания, данные отцу: ни детей, ни мести ее сестре благодаря целям Темного Лорда.